Мама для чужого сына

Автор:
Елена Левашова

Мама для чужого сына

Елена Левашова

Раньше я считала, что он не пара мне, а теперь… Через два года моего неудачного брака мы встречаемся снова… Я – несчастная брошенка, а он – успешный бизнесмен… И только он может спасти меня от мужа-тирана.Содержит нецензурную брань.

Елена Левашова

Мама для чужого сына

Пролог.

Анжелика.

Надо избавиться от мужа! Во что бы то ни стало! И… плевать на принципы, мораль и прочее бла бла бла. Я ведь достаточно терпела, так почему проклятая совесть поднимает голову? Смотрит жалобно, умоляя одуматься.

– Поверните направо, – мило щебечет голос из навигатора. Вот-вот, Лика, слушай умную тетю, а не… черт знает кого. Похоже, я потерялась. Крепко сжимаю руль

и осматриваюсь. Офис должен быть где-то здесь. Мясницкая улица, Милютинский переулок, Кривоколенный… Где же этот Бобров переулок?

– Господи, помоги. – Сворачиваю в Милютинский и глушу мотор. Глубоко дышу, пытаясь усмирить бешеный пульс. Мимо пролетают такси, шагают люди, хлюпая по весенней слякоти. Бросаю взгляд на изящные замшевые ботильоны, выбранные для встречи с Джо… Интересно, ему понравится? Чтобы узнать, надо сначала доехать!

Двигатель взрывается тихим урчанием. Я концентрируюсь на дороге, смахнув с себя волнение, как назойливую муху. Паркуюсь возле стильного пятиэтажного офиса. Припудриваюсь. Стираю с губ помаду. Почему-то я уверена, что Джо меня поцелует… Застываю в дверях, давая себе шанс одуматься и… решительно вхожу. Шмыгаю мимо любопытной секретарши, так и не назвав своего имени…

Каблучки звонко стучат по мраморному полу, прокатываясь дрожащим эхом по стенам. Я тоже дрожу… Пальцы, подбородок, плечи – я вся превращаюсь в дрожь – противную и жалкую. Сжимаю пальцы в кулаки, впиваясь в ладони ногтями. Может, боль меня встряхнет? Ну вот я пришла…

«Джордан Осборн. Заместитель генерального директора Osborn Corporation LTD».

– Ну какие поставки? Я же просил отложить до мая?

Задерживаю дыхание, прислушиваюсь к его голосу за дверью. Джордан разговаривает по телефону. Перевожу дух и громко стучусь.

– Да. Входите.

– Привет, Джордан.

Его карамельные теплые глаза мгновенно вбирают в себя всю темноту мира… Прищуриваются и скользят по мне придирчивым, почти брезгливым взглядом.

– Вероятно, случилось что-то по-настоящему роковое, если профессорская дочка снизошла до простого бармена. Чем обязан, Анжелина?

Дорогой костюм, блестящие до тошноты туфли, циферблат наручных часов – я не хочу видеть, но против воли замечаю атрибуты его роскошной жизни. Черт, как же мне стыдно!

– Джо, ты должен меня спасти! – взмаливаюсь я. Дура. Разве так можно – с места в карьер? – Я… Ведь я…

– Я ничего тебе не должен, Анж. – Отрезает он отшатнувшись.

Ну да, я подошла слишком близко. Так, что могу чувствовать его запах – вкусный до чертиков, видеть его шоколадные глаза, полные губы… Так близко…

– Ничего. Тебе. Не должен. Ты сделала свой выбор два года назад, Энджи. – Произносит он севшим голосом.

– Не называй меня так. – Вздыхаю вязкий, как медуза воздух. Он невидимой стеной повисает между нами. Кажется, взмахнешь рукой и ударишься…

– Анжелика Львовна, простите, – манерно произносит Джо. – Ты забыла одну маленькую деталь.

– Какую же?

– Ты теперь не Беккер, а Ольшанская. Твой муж знает о… визите? – Джордан опускает ладони в карманы брюк и отходит к окну.

– Все дело в нем. Помоги мне от него избавиться, Джордан. Понимаю, я виновата… Я… Прости меня, Джо. Я… ведь так тебя…

– Молчи, – обрывает он. Вздрагивает, словно поранившись моими словами, так и не сорвавшимися с губ. – Лицемерка. Вот кто ты. И не смей ничего говорить мне. Все ложь. Все, что ты делаешь и говоришь – притворство и ложь. Ты лживая…

– Не надо, Джо. Прости, что побеспокоила. Я не думала что…

Его слова опускаются на грудь бетонной тяжестью – я забываю, как дышать. Так и стою посередине огромного кабинета, пахнущего дорогой кожей и кофе, как жалкая нищенка. Неуместно, смешно, глупо… Зачем я пришла?

– Пока. Рада была увидеть. – Ну вот опять! Ничему жизнь тебя, Лика, не учит!

– Постой. – Джордан расстёгивает пуговку пиджака и подходит ко мне. Слишком близко… Теперь моя очередь отшатнуться.

– Что случилось? – слетает с моих губ.

– Ничего. Хочу кое-что проверить…

Джордан рывком притягивает меня к груди и целует в губы. Грубо, яростно, забирая из груди весь воздух, выпивая меня до дна… выплескивая в поцелуе обиду и боль, что я ему причинила. Скользит по моим губам языком, пробуждая позабытые чувства, те, что дарил мне только он… Они восстают ото сна, как нежные весенние побеги.

– Ответь мне, – хрипит он, оторвавшись на миг.

Со стоном оплетаю его плечи руками и впускаю в себя его нетерпение и жар. Приоткрываю губы, позволяя его языку исследовать мой рот. Глажу его сильные плечи, черные жесткие волосы на затылке, растекаюсь перед ним лужицей, слабею в сильных надежных руках…

Джо отрывается от меня первым. Переводит дыхание, отступая на шаг и вытягивает вперед руку.

– Джо… Я так скучала.

– А я нет. Ничего не почувствовал…

– Так ты хотел…

– Да. Хотел проверить, встанет ли малыш Джо на тебя снова. Извини, Энджи.

– Черта с два ты ничего не почувствовал! Расскажи это кому-то другому, Джордан Осборн! А я… ухожу. – Шиплю, как уж и разворачиваюсь, чтобы скорее покинуть кабинет.

– Ничего не изменишь, крошка Анжелина. – Джо легко сжимает мой локоть, пытаясь остановить.

– Я готова изменить свою жизнь, Джо. Если ты захочешь…

– Но ее не готов менять я. И еще… Я женат.

Глава 1.

Джордан.

«– До встречи, Джо!», – бросила она. Заправила длиннющую блондинистую прядь за ухо, улыбнулась на прощание и вышла из кабинета.

Дверь негромко клацнула, отрезая меня от Энджи, оставляя легкий шлейф ее духов… Мне хотелось крикнуть ей вслед:

«– Ты меня услышала? Я женат! Женат по твоей милости, маленькая чокнутая… пустышка! Из-за тебя, все из-за тебя». Хотел трясти ее за плечи и видеть испуганное лицо, тонуть в изумрудном омуте ее глаз…

Но она ушла. Бросила проклятое «до встречи» и смылась из кабинета, только ее и видели!

Перевожу взгляд на часы… Сколько же я так сижу? Спина затекла, во рту пересохло. Расстегиваю ворот рубашки и поднимаюсь. Тонко скрипнув, кресло откатывается в сторону. Наливаю в стакан воду и жадно пью. Зачем эта сучка явилась в мою жизнь? Ворвалась без спроса, как тогда – почти два года назад. Воспоминания, как бурная река, ломают толстые льдины благоразумия и долга,

которые я выстроил за эти годы.

Ее аромат – знакомый и родной до безумия, щекочет обоняние, возвращая меня в другое время. И в другое место – маленький таежный посёлок. Дом из сруба, пахнущая дубовым веником баня и… Личка или Энджи, как я ее называл.

Иностранцы никогда не поймут русскую душу. Она бездонная, как глубокий колодец. Безграничная и удивительная, как Байкал. Непонятная. Опасная. Ведь рубит русский человек сплеча и любит так сильно, что захватывает дух… И ненавидит до смерти, прощает и не прощает, пьёт или танцует – всё русский делает от души, навыворот, искренне. И терпит так же… До последнего вздоха.

Я восхищался ею – Личка предала подругу и поехала в тайгу искупить вину. Выстрадать или заслужить прощение – наверное, только так она могла жить дальше. Приложить нечеловеческие усилия и сделать невозможное. А я… Уже тогда был ею так очарован, что согласился поехать вместе. Мы бродили по глубокому снегу и искали пропавшего Федьку Горностая – приятеля Лики, пели под гитару, ловя в бликах огня из печи возбужденный блеск глаз друг друга…

А потом Личка фыркнула, вышла из круга мужиков, уставших после дня поисков, и проворковала:

– Джордан, ты не поможешь мне растопить баню?

Ты тогда не знала, с кем связалась, Эндж… Пробудила спящий вулкан, в котором сгорели мы оба. Я шел в дышащую паром баню, как агнец на закланье. И такой же пьяный хвойный туман поселился тогда в моей голове.

– Лика, мне нужно помыться, – тихо шептал я, любуясь ее чистыми раскрасневшимися щеками, длинными, струящимися до плеч волосами – сейчас они стали еще длиннее, омутом зеленых глаз.

– Нет, так даже лучше, – шелестела она. – Мне нравится, как ты пахнешь.

– Нравится? Точно, Эндж? Тебе нравится запах моего пота?

– Да, Джо! Я… хочу. И… мне нравится.

А я тонул в зеленой бездне и видел – не врет. Отдается до самого донышка и хочет так сильно, что мутится разум.

Глупая, смелая малышка, возомнившая себя роковой обольстительницей, она испугалась моего порыва. Страстных поцелуев, больше похожих на укусы, ласк жадных, животных, неистовых… Ты сама этого хотела, детка, теперь держись…

– Я хочу, Джо…

Личка обнимала меня, обжигала касанием нежных пальчиков, гладила мою вздымающуюся грудь, ниже… Ласкала крепкий ствол, повторяла пальчиками рисунок вен, сжимала, трогала…

Я подхватил ее за ягодицы, с силой сжал, чтобы насадить на себя, но она вмиг остудила мой пыл всего одной фразой:

– У меня еще не было мужчины…

А потом добавила, шевельнувшись в моих руках так, что острые соски оцарапали мою влажную от пара грудь:

– Ты же не остановишься, Джо? Я прошу тебя…

Мне так хотелось взять ее прямо у стены, долбиться что есть мочи, сплетая нашу общую страсть в тугую плеть, но я спустил Энджи с рук и усадил на лавку. Она что-то щебетала, трясла головой, отчего ее пышные длинные волосы подрагивали, но я широко развел ее ноги склонился к нежному лону… Ласкал ее ртом, поддевал чувствительный бугорок, с наслаждением вбирая в себя ее соки. Эндж с силой сжимала края лавки, стонала протяжно и шептала мое имя… Оно разносилось по стенам предбанника, подхватывалось зловещим таежным ветром: «Джо… Джо…».

– А-ах, господи. Джо!

Нутро скручивает от одного воспоминания о том, как она сладко кончала. Зарывалась пальчиками в мои волосы и подавалась бедрами навстречу моему рту. А потом я вошел в нее одним резким толчком, целовал ее припухшие губы и

слизывал струящиеся из глаз слезы боли…

– Спасибо, – из ее уст благодарность звучала неожиданно.

– Всегда пожалуйста, Эндж. – Хрипло бормотал я, толкался в нее еще и еще, с разбега срываясь в пропасть оргазма…

Я так погружаюсь в воспоминания об этой чертовке, что не сразу понимаю: в дверь стучат.

– Да!

– Джордан… Александрович, – лепечет моя секретарша Лейла.

– Лейла Бахтияровна, ну я же просил… Ну какой я вам Александрович?

– Мы в Москве, а не в Лондоне, босс. – Чопорно отвечает она, поправляя очки в черной толстой оправе. – У нас плохие новости, Джордан. Две… И обе плохие. С какой начать?

– С любой!

– Виктор Ольшанский запустил информационную утку по федеральным каналам. И… ваша сестра Сюзанна, она…

– Ну! – встаю, чувствуя, как ноги не слушаются, а глаза застилает чернота.

– Они с мужем разбились на машине по дороге в аэропорт. Мне очень жаль, сэр…

Глава 2.

Джордан.

– Они… они… – слова рассыпаются в горле битым стеклом. Судорожно вдыхаю воздух, чувствуя, как слабость парализует тело. В поисках опоры подхожу к столу.

– Сюзанна и Том погибли. Мне жаль, Джоржан, очень жаль. – Протягивает Лейла, нервно растирая лоб. – Сообщили сэру Алексу – вашему отцу, а он мне…

– Почему же он не позвонил мне? И… где он?

– Алекс уехал днем раньше, – стыдливо отвечает Лейла. – С Наташей.

– Черт! – вспыхиваю я. Наташа – молодая русская любовница моего папаши. Выходит, смерть дочери и зятя не явились веской причиной для его возвращения с Бали или… где он там с ней тусит? – Когда он возвращается?

– Они на Занзибаре. Я не спрашивала, сэр. Забудьте о нем, Джордан. Уже понятно, что ваши родители спихнули хлопоты на вас. Джулия сказала, что не может прямо сейчас приехать из Парижа… У нее какие-то переговоры с мишленовскими ресторанами и…

– Черт! Им всегда было плевать на нас! Всегда! Суки… – разворачиваюсь и с силой толкаю кресло. Громко треснув, оно откатывается и бьется о стену. – Черт! – смахиваю бумаги со стола и сдавливаю виски. Господи, как же так? Сюзи… Детка. Старшая сестричка. Как такое могло произойти?

– Лейла, – выпустив пар, тихо зову помощницу. Она терпеливо наблюдает за моими эмоциями и молчит – понимает, сочувствует.

– Да, сэр.

– А Мэйсон? Он был…

– Малыш тоже был в машине, но он отделался ушибами. Джордан, мы будем что-то делать? Надо узнать, куда отвезли ребенка! – не выдерживает Лейла. – И

заниматься похоронами придется тоже нам с вами.

– Сейчас… Мне надо прийти в себя. Собраться. Господи, может, авария подстроена? Как это случилось? – закрываю лицо руками, не желая показывать Лейле свою скорбь. Слезы катятся по щекам – обжигающие, как кислота, горькие… Мы с Сюзи любили друг друга. А сейчас… я лишился единственного неравнодушного человека. Теперь никого нет – я остался один, совершенно один во всем мире! Родители давно развелись. Отец переехал в Москву из-за Наташи, а мать живет в Париже с другим мужчиной. Занимается ресторанным бизнесом и живет в маленьком особняке на берегу собственного озера.

– Джордан, возьмите телефон следователя. Алекс передал. Он сказал, машину будут исследовать, а тела… Вероятно, сейчас они в морге. Надо связаться с родителями Тома.

– Поедем вместе, Лейла? Боюсь, эмоции подведут меня. Что теперь делать с Мэйсоном? Малышу всего три месяца. Мать или отец, они… оформят над ним опеку?

Что я сейчас сказал? Глупость. Родителей интересуют только деньги и развлечения. Красивая жизнь со всеми ее атрибутами. Грудной малыш точно не входит в их планы!

Лейла безошибочно угадывает мои мысли, выражая молчаливое согласие.

– Надо успокоиться, Джордан. У вас есть жена, уверена, Тася примет маленького и воспитает его, как сына. Она же примет? – устыдившись своих слов, уточняет Лейла.

– Не знаю… Сложно у нас все.

Зажмуриваюсь, прогоняя горькие воспоминания. Опять Личка… Нам лучше никогда не видеться… Я ведь и женился по глупости. Из-за чертовых гордости, упёртости и жгучей обиды.

– Мы ведь не можем быть вместе, ты, наверное, и сам это понимаешь? – шептала она, лежа в моих объятиях. Гладила мою обнаженную горячую грудь, водила тонким пальчиком по моему лицу, очерчивала губы… – У тебя такая нежная чистая кожа, Джо. Как у ребенка. Или девчонки.

– Главное, у меня есть кое-что другое, то, чего у девчонок не бывает, ведь так, Энджи? И ты его очень любишь.

– Я?! Ничего подобного! – зарделась она, натягивая простыню на обнаженную грудь.

– Хочешь сказать, тебе не нравится малыш Джо?

– Он не малыш.

– Спасибо за комплимент.

– Это не комплимент, а правда…

Мы снова занимались любовью – как обезумевшие от голода звери. Жадные, горячие, злые… Ласкали друг друга, а потом кусали, делали больно, наказывая за запретные чувства.

– Мы не можем быть вместе. Моя семья тебя никогда не примет. Ты сам понимаешь – отец готовит для меня другое будущее, а ты простой бармен…

– Понимаю, – сглатывая обиду, шептал я. – К тому же во мне течет африканская кровь, так?

– Я не говорила этого.

– Но подумала.

– Давай не будем, Джо. У нас хороший секс, но…

– Мне нравится другая девушка, Энджи. Подыграешь мне? Прикинься моей девушкой, чтобы Таисия приревновала. Ее не смущает то, что я бармен.

Тогда мне показалось, что Лика задохнулась от возмущения – ее глаза затопила чернота, а из раскрытых губ вырвался слабый стон. Или просто слова рассыпались, как песок – бессмысленные, запоздавшие.

– Хорошо, подыграю. Женись на своей простушке, а я…

– Наверняка родители подберут тебе достойную партию.

Я промолчал о своей семьей, авторитете Алекса Осборна – одного из самых богатых лондонских бизнесменов и, кстати, белокожего, о состоянии, которым владеет моя семья. Промолчал… Не боролся за нее, а с легкостью отпустил. Я хотел, чтобы меня любили таким, какой я есть – бескорыстно и чисто, так как может любить русский человек.

– Джордан, сэр… – вырывает меня из воспоминаний Лейла. – Давайте поедем в больницу к Мэйсону? Боюсь, малыш там плачет совсем один. Вы должны его забрать домой.

– Едем, Лейла. Свяжись со следователем и скажи водителю, что я спущусь через пять минут.

Глава 3.

Джордан.

– Как… они умерли? – выдавливаю, смотря на скорбную физиономию следователя.

Он смеривает меня странным взглядом со смесью любопытства и сочувствия.

– Вскрытие состоится завтра. Как и технический анализ автомобиля.

– То есть не исключено убийство? Намеренная порча машины?

– Не думаю. Машину из службы такси не так просто испортить. Водитель, кстати, тоже погиб. – Вздыхает он.

– Держите меня в курсе. Если что-то нужно… Возможно ли ускорить расследование? – тянусь в карман пальто, чтобы достать портмоне. Отчего-то в голове витают странные мысли о чьей-то мести. Странно, но отец ничего такого не говорил. А, может, это Ольшанский? Воспоминания о Лике, как беспокойная стайка воробьев вновь вспархивают в мыслях. Она набралась мужества, задвинула гордость подальше и пришла унижаться передо мной… Очевидно, ее жизнь стала совсем невыносимой. Если он грязно играет с конкурентами, боюсь представить, что Виктор позволяет себе дома!

– Я так понимаю, хоронить супругов Дженкинс вы будете не в Москве? – осведомляется следователь.

– В Лондоне. Сделайте так, чтобы тела мне вернули завтра без проволочек, – сую несколько купюр в карман его куртки.

– Несомненно, – он довольно похлопывает ладонью по карману.

Весенняя слякоть хлюпает под ногами, тёплый апрельский ветер забирается под одежду, когда мы с Лейлой, огибая лужи, бредём к машине. Малыша Мэйсона после аварии увезли в Морозовскую больницу. Водитель петляет по оживленным улицам, чертыхается в поисках четвёртого Добрынинского переулка, а я откидываюсь на спинку кресла, равнодушно наблюдая за проносящимися мимо пейзажами. Закрываю глаза, видя смеющееся лицо сестры. Серьезное и строгое – ее мужа Тома… Покручиваю телефон в руках, размышляя, как сообщить о появлении ребёнка жене?

– Джордан, сэр… – Лейла угадывает мою озабоченность.

– Да, Лейла.

– Следует заехать в детский магазин и купить малышу Мэю все необходимое. К тому же в машине нет детского автокресла.

– Ты, как всегда, права, – со вздохом отвечаю я. – А ещё сообщить Тасе…

Водитель паркуется возле детского магазина. Лейла бросает на меня удручающий взгляд и молча открывает дверь – понятно, что один я не справлюсь. Мы покупаем подгузники и детскую одежду, коляску для прогулок, наверное, с десяток разных смесей, игрушки, погремушки, кровать и тумбу для белья.

– Сэр, думаю, сами мы не справимся, – чопорно бросает Лейла, окинув взглядом поверх очков гору коробок и пакетов. – Нужно оформить доставку. Оплатив покупки, мы возвращаемся в машину.

Заведующий отделением провожает нас в бокс с орущим Мэйсоном. Лейла оказалась и здесь права – судя по дрожащему подбородку и опухшим глазкам, плачет Мэй давно, и успокаивать его никто не торопится.

– Господи, как хорошо, что вы говорите по-русски! – врач облегченно складывает на груди руки. – Я боялась, что придётся вызывать переводчика.

– Мои бабушка и дедушка русские, – для чего-то отвечаю я. – Возьмите справку из полиции. Я родной дядя мальчика и хочу забрать его домой. Надеюсь, серьезных повреждений у Мэйсона нет?

– Нет, что вы! – воркует она, подхватывая мальчика на руки. Ее запоздалое внимание мне не требуется, хочу поскорее очутиться дома и осознать, наконец, как изменится моя жизнь. Мэй навсегда… Он теперь мой сын, но кто будет матерью мне неясно. С Тасей мы не живем почти полгода. Вернее, не так. Мы живем в огромной квартире, как соседи. Фиктивные супруги, выжимающие из штампа в паспорте максимум пользы.

– Сэр, мальчику нужно подыскать няню, – добавляет Лейла, сверля орущего малыша взглядом. Я безуспешно пытаюсь его успокоить, неумело трясу на руках

и что-то напеваю.

– Займись этим сегодня же. – Отвечаю, стараясь перекричать Мэя.

– А как же Ольшанский? Если клиенты нашей фирмы поверят во всю ложь, что он слил в сеть и на телевидение, вы потеряете контракты на миллионы долларов. Сэр Алекс вас убьёт. И меня заодно. – Лейла качает головой и сжимает пальцами виски.

– Черт! – рычу так, что Мэйсон испуганно замолкает. – Перешли мне все на почту.

– Будет сделано, сэр. – Рапортует она. – Джордан, сегодня к вам приходила Ольшанская?

– Разве Анжелика Львовна представилась? На неё это не похоже.

– Нет, пролетела, как фурия. Но я просматривала сведения об Ольшанском и наткнулась на их совместное фото, – медленно, словно непонятливому ученику, докладывает Лейла. – Сэр, вам нужно действовать через неё. Она сможет повлиять на Ольшанского… Он страшный человек.

– Нет, Лейла. Лика приходила просить помощи. Очевидно, между ними не все так гладко.

Врач отдаёт кипу бумаг, бубнит пожелания здоровья, суёт в мой карман визитку с номером телефона. Я скупо ее благодарю и одеваю Мэйсона. Малыш успокоился, теперь он лишь изредка всхлипывает и трёт глазки. Сопит, пригревшись на моей груди. Крепко прижимая племянника к себе, выхожу на улицу. Лейла неизменно идёт слева от меня. Водитель уже установил кресло. Втроём мы додумываемся, куда пристёгивать ремни безопасности и укладываем малыша в кресло. Как только машина трогается, Мэйсон засыпает, а я облегченно вздыхаю и любуюсь им. Мой сынок… Нежданный, подаренный зловещим случаем, но я никогда не оставлю сына Сюзи. Никогда его не обижу…

– Сэр, я уверена, что вам стоит действовать через Ольшанскую, – не унимается Лейла.

– У нас плохие отношения, Лейла, забудь! – взбрыкиваю я.

– Однако, она пришла просить помощи у вас.

– Че-ерт, – верчу телефон, раздумывая на ее словами. – У меня нет ее московского номера.

– Завтра он у вас будет. Не сомневайтесь. – Улыбается она. – И не забудьте дома покормить ребёнка.

– Хм, – нарочито хмурюсь я. – Не умничай, уволю.

Глава 4.

Лика.

Какая же я дура! Возомнила о себе черт знает что! Надо было вмазать ему по роже за непрошенный поцелуй! А я… растеклась, как мороженое на жаре.

«Я готова изменить свою жизнь, Джо…»

«А я женат!»

Если бы я только знала, что он женат – ноги моей не было в его кабинете! Дура! Трижды дура! От обиды пыхчу, как паровоз и громко цокаю по грязному тротуару к машине. Пора вычеркнуть Джордана из головы и начать жить своей жизнью. Запускаю двигатель и расслабленно откидываюсь на спинку кресла. Что мне делать? Домой ехать нельзя – два дня назад я едва ноги унесла, завидев пьяного благоверного на пороге. Он завалился в компании «друзей», грубил, кричал, а после… бросил в меня тяжелую глиняную вазу – подарок своей мамаши на свадьбу. Она прожужжала мимо уха и неуклюже разбилась на

осколки возле моих ног. А могла ведь разбиться о мою голову… Мне некуда идти… Из гостиницы я выехала утром, сменной одежды хватит едва ли на пару дней. Глубоко дышу и сжимаю руль так крепко, что немеют пальцы. Соберись, Лика, сейчас не время хандрить! Набираюсь мужества и еду домой – возможно, Виктора уже там нет? Я тихонько проберусь мимо груды пустых бутылок, постараюсь не обратить внимание на разбросанные по квартире вещи и использованные презервативы, вонь и сигаретный дым, пропитавшие жилище, как яд… Смолчу. Потому что я устала бороться и терпеть унижения. Скажете, я слабая? Не смогла удержать мужа и создать ему домашний уют? А я не стану оправдываться – да, я не смогла. Вообще, в оправданиях нет смысла. Они не нужны никому. Я не смогла сделать мужа счастливым, потому что не любила – вот и весь секрет. И он не любил – женился по настоянию родителей, закрутивших с моим папой общие дела.

Автомобиль резво снует между машин. От офиса Джо до клубного дома, где я живу – час езды. Родители купили Виктору уютную квартиру в коттеджном посёлке – «живи да радуйся – всё, деточки для вас».

С каждым пройденным километром дрожь усиливается. Я напрягаюсь, как тетива, чувствуя, как противно струится пот между лопаток. Превращаюсь в напряжение, облекаюсь в него, как во вторую кожу. Мне надо сделать три вещи: зайти, забрать документы, вещи, драгоценности и деньги… Если я их найду. Обворовывать Виктора я не собираюсь, мне лишь нужен стартовый капитал. Так я знала – Ольшанский дома! Не зря меня так потряхивало! Его большая машина темнеет на стоянке. На ватных ногах поднимаюсь в квартиру… Дрожащими пальцами открываю дверь, с головой окунаясь в свой персональный ад… Все, как я и предвидела: бутылки, резинки, «бычки» от сигарет. Помойка, а не место для жизни и радости. Аккуратно переступая через чужую одежду и обувь, пробираюсь в гостиную и забираю документы из тумбочки. Одно дело сделано! Как теперь быть с вещами? Из супружеской спальни раздается дружный пьяный храп. Тихонько приоткрываю дверь, морщась от картины, открывшейся взгляду. На кровати лежит Виктор, облепленный двумя девицами модельной внешности. Классика – блондинка и брюнетка. Перевожу тоскливый взгляд со своей «двоечки» на надутые буфера девиц. Мда… Ну и… пошли они. Задерживаю дыхание и подхожу к шкафу. Осторожно распахиваю дверцу, но она издает тонкий скрип. Одна из шлюх дует губы и вздрагивает во сне. Бросаю в чемодан все вещи, попадающиеся на глаза – белье, сапоги, свитера, куртки, колготки. Пихаю, не глядя на спящую компанию. Похоже, все удалось! Остается найти хоть какие-то деньги на первое время… Наконец, выдыхаю. Тащу противный скрипучий чемодан к выходу и…

– Сука! Явилась? – пьяно тянет Виктор. – Монашка чертова.

– Витя, дай мне просто уйти, – блею я, крепко сжимая ручку чемодана.

– Витенька, кто это? – каркает брюнетка.

Фу, ну и мерзость этот ее голос! Ей точно лучше молчать.

– Жена! – кричу я. – Руки в ноги взяла и… вон отсюда! – поднимаю с пола туфель и швыряю его во вторую сонную тетерю. – И ты вставай! Вон отсюда!

– А это не тебе, сука, решать, кому тут вон! – рычит Ольшанский и тянет меня за волосы. – Ненавижу тебя! И семейку вашу чертову тоже.

– Так отпусти. Давай разведемся. Обещаю, я не буду…

Виктор не слушает – размахивается и бьет меня по щеке. Хлестко, наотмашь… Голова отскакивает, как болванчик, а на лице ядовитым цветком вспыхивает жгучая боль… Слезы против воли брызгают из глаз… Горькие, жгучие – я их так ждала… Но не позволю Ольшанскому видеть мою слабость.

– Какой развод, если на кону такие бабки? И папаша твой завязан по уши? Куда ты, Лика? Лик…

Виктор пытается меня удержать. Хватает за руки, стыдливо опускает взгляд, только меня не остановить… Дергаю руку что есть силы и решительно направляюсь к выходу. Щека пульсирует, слезы выедают глаза… Терпи, Лика, терпи… ты потом поплачешь…

– Машину чтобы на стоянке оставила! Поняла, дрянь?! Ты ничего не получишь! Ни копейки здесь нет твоего! И денег я тебе не дам! Катись, сука! – истерично кричит Виктор и на прощание бьет меня по спине. – Приползешь ко мне, как бомжевать надоест! У-у-у! Ненавижу! Приползешь, ноги будешь мне целовать, потому что в другом случае я… я посажу твоего папашу.

Впечатываюсь в дверной косяк лбом и, спешно подобрав упавшую ручку чемодана, вылетаю из дома… Я ушла – без денег и ценностей. Сохранила крупицу гордости и самоуважения, чтобы начать жить заново.

Глава 5.

Лика.

Черта с два я оставлю машину! Утираю нос, как поранившийся ребенок и приваливаюсь к холодной стене подъезда. Пытаюсь отдышаться и унять чудовищную дрожь в теле. Останавливаюсь в пролете между этажами и прислушиваюсь: тишина… Если Виктор побежит за мной, спотыкаясь на ступеньках – ей-богу, я уроню подбородок от удивления! Хмыкаю сквозь слезы, радуясь долгожданной свободе, и вылетаю на улицу. Бросаю чемодан в багажник и быстренько сажусь за руль. Не сомневаюсь, Виктор обязательно подаст заявление об угоне, чтобы проучить меня, но до центра я доехать успею.

Жизнь пробуждается ото сна – деревья зеленеют редкой листвой, в лучах весеннего солнца поблескивают ручейки, на полях зияют, как бельмо, островки грязного снега. Перевожу тоскливый взгляд с пейзажей, проносящихся за окном, на обручальное кольцо. Какие оно пробуждает мысли и чувства у счастливой жены? Радость, невыразимую тоску по любимому, бегающее под кожей, словно клещ, стремление скорее увидеть мужа… У меня возникает только одна мысль – как я смогу подороже его продать? А еще серьги с бриллиантами и браслет, валяющиеся на дне сумочки.

Меня останавливают на первом же посту. Лейтенант вздыхает, окидывая «угонщицу» сочувственным взглядом и предлагает вызвать такси… Черт, я и вправду выгляжу жалко – заплаканная, с растекшимся под глазом синяком, лохматая… Нашлась, воительница хренова! Вопреки ожиданиям Ольшанского сотрудники ДПС расценивают ситуацию правильно и отпускают меня – «семейный конфликт, жена со следами побоев на лице». Так и вижу перекошенную рожу муженька – он-то рассчитывает благородно вызволить меня из обезьянника! Отстегнуть служителям закона кругленькую сумму и забрать домой «загулявшую и строптивую» супругу… Исполнить роль принца-спасителя!

Тьфу!

– Девушка, давайте я все-таки вызову такси… или нет, я сам отвезу вас. Куда вы сейчас? Может, поедем в отделение? Вы снимете побои…

Лейтенантик оказывается жалостливым. А мне некуда идти… Такие вот дела. Парень кажется надежным с виду, и я соглашаюсь.

– Мне поближе к центру, пожалуйста… Не знаю куда. Я еще не решила. Нужен недорогой хостел. – Выдавливаю, стыдливо отводя взгляд. – А насчет заявления – не мне с ним тягаться… Проще уйти.

– Да есть тут один на Ленинском проспекте. «Арбуз» называется, – он не к месту улыбается.

По телу лавой растекается усталость, режет тонким лезвием боль, а обида… она отдает горечью во рту. Вот так, Личка, превратилась ты из дочери профессора МГИМО в бомжиху… И виновата в этом только ты, дуреха… Я не стану звонить родителям – отец первый, кто найдет меня и вернет под «заботливое крылышко» Виктора. Его ведь все обожают! Боготворят, восхищаются, уважают. Все, кроме дряни жены.

Мне некого просить о помощи, не от кого ждать поддержки… Хотя нет – есть же Варька Горностай – моя университетская подруга и кума. Да-да, я крестная мама ее доченьки Насти. Покручиваю телефон в руках, раздумывая, стоит ли вешать свои проблемы на чьи-то плечи? И все-таки звоню…

– Варюш, привет. Как вы там? Как Сашенька и Настюша?

Тоска настигает меня, как лавина. Бьет под дых так ощутимо, что я забываю, как дышать. Скучаю… Как же я скучаю по временам, где мы были счастливы – смеялись, шутили, жили, страдали, любили, предавали и прощали… Смотрели на жизнь широко распахнутыми глазами, ели ее большими ложками и верили в лучшее…

– Привет, Беккер. Ой, то есть Ольшанская. – Смеется Варька в динамик. – Личка, все хорошо, Настя – вот на днях упала на улице, шишку набила… Но ты не

волнуйся – Федька ее сразу рассмешил. Пообещал купить новую куклу, представляешь? Лик, ты слушаешь?

– Я… Варька, я от мужа ушла. – Выдавливаю хрипло. – Он меня ударил. Я…

– Лика, не вздумай его прощать. – Не вижу Варюху, но твердо уверена – выглядит она сейчас, как надутый и злой еж.

– Ни за что. Наоборот, я счастлива. Давно хотела уйти… Только мне…

– Я переведу тебе деньги на первое время.

– Варька, мне бы совсем немного… Пару тысяч. Я завтра найду работу и…

– Не спорь, Беккер! Потом разберемся.

Лейтенантик смущенно сует мне в ладонь листок блокнота со своим номером телефона и жестом указывает, куда идти. Бубню под нос «спасибо» и спешно покидаю автомобиль ДПС. Мечтаю принять душ и поплакать. И есть хочу… Волна жалости того гляди накроет меня с головой, но я стойко держусь – протягиваю портье паспорт и оформляюсь в пятиместную комнату. Принимаю душ, оттирая прикосновения грязных рук мужа… Тру кожу до красноты, намыливаю шампунем голову. Слезы смешиваются с горячей водой, унося мою прошлую жизнь прочь… А под тоскливым островком снега совсем скоро взойдет крепкая зеленая трава… Ведь так? Тихонько вою, чтобы не напугать соседок, а потом успокаиваю себя, цепляясь за надежду на лучшее… Я выстою. Я сильная. Меня не так легко смирить. Пусть попробуют – зубы обломают! На этой обнадеживающей ноте выключаю душ и обматываю вокруг головы полотенце. Сейчас высушу волосы, поем что-нибудь и пойду в ломбард…

– Девушка, простите… – мои размышления грубо нарушает ворвавшаяся в дверь соседка по комнате. – У вас телефон звонит.

– Спасибо, – киваю и протягиваю руку к дребезжащему смартфону. Странно, номер незнакомый – кто бы это мог быть? – Да, слушаю вас.

– Добрый день, Анжелика Львовна. Меня зовут Лейла – я личный помощник Джордана Осборна. Вы сможете подъехать завтра в офис компании…

– Не понимаю, почему вы мне звоните? – задыхаюсь от возмущения. Как он смеет присылать ко мне своих секретарш? – Ему сложно позвонить мне самому?

– Сэр Джордан поручил мне связаться с вами и пригласить завтра…

– Знаете что? Пошлите сэра Джордана… в жопу!

Глава 6.

Джордан.

– Лейла Бахтияровна, – цежу сквозь зубы, стремясь сохранить самообладание. – Разве я просил вас вмешиваться? Звонить самой?

– Какая разница, Джордан? Это Ольшанская, а не королева Англии, – фыркает она, чопорно поправляя очки.

– Для меня, как королева Англии! Вы ничего… не знаете о наших отношениях. – Тычу пальцем в небо, словно речь идет о чем-то возвышенном.

– Звоните же, сэр Джордан, – Лейла заламывает руки и неуверенно протягивает телефон. – Нужно срочно что-то делать! «Монарх» расторг договор на поставку и «БизнесИнвест» тоже… Мы так и останемся без клиентов, сэр…

– Хватит, Лейла! Только дураки верят информационным вбросам. Значит, не нужны нам такие клиенты. – Запускаю ладони в карманы и отворачиваюсь к окну. Что я в самом-то деле должен звонить при ней? – Положите трубку на стол и… Я позову вас позже.

Стук каблучков Лейлы стихает. В кабинете повисает напряженная тишина, она скапливается над головой, как грозовая туча и давит, давит… Нужно ли мне возвращаться в прошлое и бежать по сожженному мосту? Цепляться за обломки разбившихся надежд и ранить кожу, царапать душу воспоминаниями? Тягостно вздыхаю, словно мне предстоит некая повинность, и набираю цифры заветного номера. В конце концов, у меня есть оправдание – я хочу спасти семейный бизнес!

– Анжелика, здравствуй… Это Джордан.

– Здравствуйте, сэр Джордан, – ёрничает она. – Вы соизволили позвонить сами? Похвально.

– Приезжай завтра в полдень. Есть разговор, – проглатывая ее «шпильки», произношу я.

– Я… меня нет в Москве, Джо. Я улетела в жаркие страны, вот такие дела. Надо было соображать быстрее, а так… Упущенная возможность для бизнесмена твоего уровня сродни катастрофе.

– Когда ты вернешься?

– Через неделю. Или позже.

– Хорошо, Энджи. Я позвоню тебе через неделю.

Отбиваю вызов и шумно выдыхаю. Не похожа Личка на беззаботную отдыхающую – уж слишком напуганной и несчастной она выглядела. А уж эти ее подколки… Защитная реакция, не иначе. Гордая, строптивая, страстная… Она лучше умрет, чем признает собственную неправоту или попросит о помощи… Но ведь она уже просила? Значит…

– Дмитрий Саныч, поднимитесь ко мне в кабинет, – без колебаний звоню начальнику службы безопасности фирмы.

Так правильно, убеждаю себя. «Рыться в жизни Анжелики за ее спиной правильно», – шепчет сидящий на плече дьяволенок. «Она не простит такой

низости и… подлости. Это мелко и недостойно», – подает голос ангелок на втором плече. Поднимаюсь с места, стремясь убежать от голоса назойливых советчиков. Я решил, что так правильно, и точка!

– Джордан Александрович, слушаю вас, – тяжело дыша, как от быстрого бега, произносит Саныч.

– Садитесь, прошу вас, – взмахиваю ладонью в сторону кресла, скрипя зубами от русского «Александрович». Ну кто их надоумил? – Мне нужно узнать местоположение вот этого абонента. И… всю информацию, что можно раздобыть. Девушка, быть может, в опасности…

А вот это звучит, как жалкое оправдание. Дмитрий Саныч старательно записывает фамилию «попавшей в беду девушки» и неуклюже поднимается, торопясь приступить к выполнению задания.

***

Жизнь в мгновение ока переменилась. Перевернулась вверх дном, словно неповоротливый, шевелящий тонкими лапками жук. Мэйсон кричит днем и ночью, просит грудь и отказывается от смесей. А Тася… Следовало ожидать, что жена не примет ребёнка. Зачем ей чужой малыш в придачу к фиктивному мужу? Правильно, незачем. Она привыкла жить в свое удовольствие, мотаться с подругами за границу, есть устрицы и морских ежей, а запивать деликатесы белым вином за штуку баксов.

«Ее не смущает, что я простой бармен…», – в груди жжет от воспоминаний. Каким же я был дураком, что поверил в это! Таисия Коваль прекрасно знала, что я не бармен: ее отец – Денис Коваль – сотрудник Департамента промышленности и энергетики вцепился в папашу, как клещ. Не знаю, какие они воротили дела… Возможно, Коваль продвигал проекты Алекса Осборна за откаты? Узнать наверняка невозможно – мои полномочия ограничиваются лишь одним подразделением фирмы, а отец слишком предусмотрительный, чтобы раскрывать карты даже перед собственным сыном.

Мэйсон капризничает. Прохаживаюсь по просторной гостиной, прижимая кроху к груди – так его животик меньше болит. Надо ли говорить, что я почти не сплю?

Няня фыркает и строит кислые мины, охает и всучивает Мэя, стоит мне мелькнуть на пороге. Я прошу ее еще об одном одолжении – дать мне пять минут на душ, а потом… Окунаюсь в чуждый мне мир подгузников, молочных смесей и колик. Качаю сына, хожу с ним на руках полночи, а утром встаю по будильнику и бреду на работу. Одно радует в этой ситуации – Тася съехала. Нет, она не предложила развестись – лишь купить ей квартиру в Сити, желательно не хуже моей…

– Мэйсон, пойдем гулять? – неожиданно произношу я. Вырываюсь из липкого клубка своих размышлений. К черту Тасю с ее требованиями! И папашу Алекса с его пустышкой Наташей! Лику с ее Ольшанским, будь он неладен! Мэй пускает слюни и гулит. Неужели, понимает? Смотрит на меня карими, как каштаны, глазами и довольно сучит ножками.

Кладу Мэйсона в электронное кресло-качалку и развожу смесь. Мою пустышки, опускаю в сумку влажные салфетки, пеленки, погремушки. Да, я быстро освоился в роли отца и мне это, черт возьми, нравится! Мэй нехотя сосет смесь – очевидно, малыш понял, что груди он больше не получит… И от осознания этого херово на душе…

– Ешь, сынок. Теперь дядя Джо у тебя за маму и за папу.

Я похоронил Сюзи и Тома на родине в Лондоне – участие родителей заключалось только в аренде частного самолета. Мать так и не нашла времени оторваться от рестораторов, а отец предпочел заплаканным родственникам Наташу… Вскрытие показало, что мои близкие погибли от травм, вызванных аварией. «Данных за покушение не обнаружено», – довольно прогрохотал следователь Фисенко. Я организовал похороны и вернулся в Москву этим же вечером – измученный, выжатый как лимон – я торопился к сыну, радуясь расцветающей в сердце привязанности… У меня есть сын – наследник, соратник, друг. И я, совершенно точно, не буду воспитывать его, как это делали родители…

– Идем, малыш? Ну, ну, не капризничай.

Мэйсон терпеть не может надевать шапку, морщится, когда я завязываю тесемки под его пухлым подбородком. Накрываю полусонного мальчишку одеялом и спускаюсь на лифте во двор. Ну вот, не прошло и пяти минут, Мэй засыпает. Покупаю кофе навынос и устремляюсь подальше в сквер. Весенний

ветер остужает разгоряченные щеки и забирается под полы куртки, играет верхушками деревьев и раскачивает качели на детской площадке. Скоро станет совсем тепло – мы будем много гулять с Мэйсоном, а летом поедем на Средиземное море… Колеса коляски бодро поскрипывают, а я погружаюсь в сладостные мечты о скором будущем… Мы будем играть в футбол, танцевать, есть мороженое, ходить в лес. Глотаю миндальный раф, не сразу понимая, что в кармане гудит телефон – я предусмотрительно поставил его на беззвучный режим.

– Да, Дмитрий Саныч, слушаю.

– Джордан, сэр… Телефон Ольшанской Анжелики Львовны определяется в Москве – она не выезжала за пределы города. Ленинский проспект, женский хостел «Арбуз».

– Уверены? – сжимаю зубы так, что они скрипят. Все-таки обманула.

– Да, я даже позвонил туда. Девчонка живет там последнюю неделю. Жалоб никаких, никого не приводит. Тихая, скромная.

– А вы ее не видели? – грудь сжимает, словно тисками. Опять ты, Беккер… Какого хрена ты опять ворвалась в мою жизнь? И почему мне не все равно?

– Не видел. Сережа накопал кое-что, Джордан. В полицейских базах девушка не числится, правонарушений, штрафов и прочих задолженностей не зарегистрировано. Но есть кое-что в базе одной из частных медицинских клиник. Сэр, она…

– Ну же, Саныч!

– Она сделала аборт почти два года назад. Странно это все, Джордан… Александрович. Прерывание беременности провели через месяц после свадьбы. Мужики решили, что ребенок не от мужа… Если бы от мужа – то рожала! А так… нагуляла где-то и скрыла, так сказать, улику.

– Спасибо, Саныч. Огромное спасибо.

Сучка! Как она могла? Подкатываю коляску к ближайшей лавочке и сажусь, опуская голову. Смотрю в одну точку так долго, что кроссовки, облепленные грязью колеса и цветная тротуарная плитка сливаются в одно размытое пятно. Как она могла убить нашего ребенка? Решила за меня, не сказала? Ненавижу! Как? Убить малыша – это же чудовищно! Перевожу взгляд на Мэя и сжимаюсь от нежности и… злобы на эту дрянь. Никогда не прощу. Достаю телефон и выполняю обещание…

– Лика, добрый вечер. Ты вернулась из отпуска? Прошло уже восемь дней и…

– Да, Джордан. Если нужно, я внесу визит в свой плотный рабочий график.

Подумаешь, фифа! Сидит там в вонючем хостеле и строит из себя королеву Англии! Вздыхаю, чтобы не наброситься на нее по телефону и отвечаю:

– Во сколько ты сможешь приехать?

– Сейчас просмотрю записи в блокноте. В двенадцать не могу, в два тоже… Утром могла бы. Тебя устроит в десять?

– Да.

Глава 7.

Джордан.

Иногда жизнь бывает чертовски несправедливой – она опрокидывает ушат кармического мусора в самый неподходящий момент. Мэйсон будит меня на рассвете оглушительным криком. Ничего не смыслю в детских болезнях, но, кажется, малыш горит. И градусника в моем доме, как ни странно, нет! Что делать? Вызывать скорую или дожидаться няню? До ее прихода всего час… Решаюсь подождать.

Деловой костюм висит на вешалке немым укором – ясное дело – работа мне сегодня не светит. Оставить больного сына я не смогу! Волнение пожирает меня, как вулкан. В голове против воли вспыхивают страшные картинки – больница, капельницы, трубки, пилюли…

Не прощу себе, если с Мэйсоном что-то случится! Ест он неплохо – к счастью, одна из десятка купленных смесей пришлась ему по вкусу. Сынок шумно глотает питание, с жадностью цепляется губками в пустышку и засыпает. Осторожно кладу его в качели, включаю их и шагаю в душ – скоро придет няня, а позже… Лика. Черт, неужели придется отменять встречу? Избавить себя от сладкой муки видеть ее снова, смотреть в изумрудные, испуганные глаза… Глаза лгуньи и детоубийцы. Тьфу!

Я так много думал о ней, в красках представляя, как буду выпытывать из Энджи правду, что… Вероятность провала кажется мне катастрофой! Принимаю душ, натягиваю хлопковую футболку, просторные спортивные штаны и осторожно выхожу в гостиную. Мэй спит – беспокойно покряхтывает и сучит ножками. Сгорая от волнения, звоню няне, чтобы поторопить ее – пожилая Влада Антоновна наверняка знает, как помочь малышу?

– Влада Антоновна, вы скоро будете? – тихонько произношу в динамик.

– Нет, Джордан, я заболела… Представляете, ночью поднялась температура, начался кашель. Я боюсь заразить малыша. Похоже, мне придется остаться дома… На неделю.

– Выздоравливайте, – обреченно вздыхаю.

Как же быть? Отменять встречи с клиентами и телевизионщиками, не ехать в офис, не видеть… Лику? Малыш просыпается и хрипло плачет. У него течет из носа, пылает лоб… Не знаю, что делать. Прижимаю кроху к груди и хожу по комнате, как чумной. Гипнотизирую экран телефона, раздумывая, отменять ли встречу с Ликой, но тут она звонит. Сама…

– Слушаю, Лика. – Приходится говорить громко, чтобы перекричать орущего Мэйсона.

– Здравствуй. У тебя есть… ребенок? – она спрашивает таким тоном, словно речь о чем-то постыдном.

– Да, а тебя это удивляет? – раздраженно пыхчу я. – Лика…

– Да, Джо?

– Можешь приехать ко мне домой? Ну… вместо офиса? Сын заболел, а я не знаю, что делать?

Она могла бы съязвить – уколоть побольнее, отпустить реплику про мать ребенка и ее отношение к больному сыну, но Лика уточняет адрес и обещает быть в скором времени. Выдыхаю с облегчением, будто в мой дом собирается нагрянуть мессия!

Мэйсону нравится, когда я с ним разговариваю. Малыш переводит заинтересованный взгляд с потолочных светильников на мое лицо, как будто думает, о чем там папка бормочет? А я рассказываю ему о Лике и нашем путешествии в тайге…

– Мы искали Федю, представляешь? И я его почти нашел! Дедушка, у которого Федор жил, испугался и скрыл его местонахождение! Подумал, что я браконьер. А, знаешь, Мэйсон, какой в тайге снег? Плотный, пушистый… А ели такие высокие, кажется, они пронзают небо верхушками. Вспарывают тучи, а из них сыплется крупный снег. Я тебе обязательно покажу Байкал и…

В домофон звонят. Мэйсон недовольно кряхтит – рассказ-то пришлось прервать! Впускаю гостью и замираю возле двери, ожидая ее появления.

– К нам идет тетя Лика, Мэйсон. Мы с ней… она меня… В общем, сам сейчас все увидишь. – Шепчу, наблюдая за довольным личиком сына.

Личка тихо стучится. Расцениваю ее жест, как заботу о малыше и так же тихо открываю дверь.

– Привет, проходи.

– Господи, Джордан, какой он хорошенький! – улыбается она. – Как его зовут?

– Мэйсон.

Лика сбрасывает белоснежные брендовые кроссовки и джинсовую куртку с розовой опушкой, не отрывая от мелкого взгляда. Похоже, у меня выискался маленький соперник – на меня Личка даже не смотрит! Ее нефритовые глаза вспыхивают неподдельным теплом, вокруг них рассыпаются тонкие лучики, на губах играет полуулыбка… Мария Магдалина, не иначе. Внутри ворочается обжигающий ком – мне столько нужно сказать, о многом спросить, но я молчу, оглушенный ее появлением. Впитываю ее нежный запах белого жасмина и высокий, певучий голос.

– Джо, где можно помыть руки?

– Проходи на кухню.

– У тебя… красиво. Очень уютно и… – Энджи краснеет, оглядывая мое жилище. Заламывает руки, смущаясь и не находя места для себя в моем доме и, очевидно, жизни… Маленькая, хрупкая, ей удается заполнить собой все пространство и вытравить воздух. Я словно забываю, как дышать…

– Неплохая квартирка для простого бармена, да, Эндж? – обижаю ее для чего-то. Хотя, что греха таить – я просто злюсь на себя и собственную реакцию на девчонку.

– Будешь теперь всю жизнь меня этим попрекать, да, Джо? Тыкать, как нашкодившего котенка, – нервно сглатывает она, подходя к раковине. Включает воду и моет руки. Не найдя полотенца, вытирает их о свои джинсы. – Я знаю, как ты ненавидишь меня. Признаться, я думала, время притупило твою обиду, но… Вижу, что нет. Зря я пришла.

Эндж отрывается от столешницы и понуро бредет к выходу. Боже, какой же я дурак! Чертов идиот! Не помню, чтобы когда-то так глупо вел себя.

– Постой, Лика. – Срываюсь с места и касаюсь ее плеча. Она отшатывается от меня, как от чумного. Раскрывает губы, чтобы возразить и качает головой. Ее

собранные в высокий хвост пряди – длинные и завитые на концах – рассыпаются по плечам шелковистым золотом.

– Прости, я зря, наверное…

– Джордан, дай мне ребенка! – переключается Лика внезапно. – У него же сопли, ты посмотри на него? Маленький, иди сюда, иди к тете Лике…

Не успеваю опомниться, Энджи вырывает Мэйсона из моих рук и притягивает к груди. Гладит его по пухлым щекам, темной головке и смотрит с такой нежностью и сочувствием, что хочется провалиться под землю от стыда! Минутой раньше я малодушно ее обидел…

– У него температура, Джо. Нужен детский Нурофен и капли в нос. – Командует она, качая ребенка, как родного.

– Какие капли, Лика? – тупо смотрю на картинку мечты – женщину и малыша на руках, забывая обо всем…

– Морская вода или физраствор. Вообще, лучше показать малыша врачу, его нужно послушать. Мало ли что… Да, котик?

Мэй улыбается ей, черт возьми! Одурманенный красивым голосом, он не сводит взгляда с зеленых глаз и подвижных губ без помады.

– Ули-ули-уленьки, налетели гуленьки! Сели гули ворковать, стал наш Мэйсон засыпать. Джордан, отомри уже и что-то сделай!

– Что нужно… делать?

– Дай мне платок или салфетку, я вытру ему сопли.

Она тихонько поет моему сыну, играет с ним, беспардонно целует малыша в знатные пухлые щеки, не обращая на меня никакого внимания. Я стою как истукан, растекаясь лужицей от умилительного вида. Мэй не издает ни звука – довольно болтает ножками, гулит, улыбается… Маленький предатель – в моих руках, видимо, ему сидится не так сладко.

– Джордан, если нужно, я могу съездить с тобой в поликлинику. Ну… если твоя жена не будет против. – Лика стыдливо опускает взгляд. – У тебя есть слинг?

– Что?

– Слинг. Это такая штука, в ней удобно носить ребенка. Я у Варьки Горностай видела. Ткань обматывают вокруг спины и талии и сажают малыша. В Ютубе есть инструкция, можно посмотреть, как это сделать правильно. – Щебечет Лика. Она наклоняется, чтобы поцеловать Мэя. Край ее водолазки оттопыривается, открывая взору застарелый синяк на шее… Так вот, что она прятала? Не хотела встречаться, ждала, пока с лица и тела сойдут синяки. Господи, какая же Ольшанский мразь!

– Постой, Эндж… – подхожу ближе и решительно оттягиваю ворот кофты. – Это он, да?

– Не твое дело, Джо! – фыркает она и заливается краской.

– А чье? Почему ты промолчала, Энджи? Придумала чертов отпуск, чтобы синяки сошли с лица, да?

– Да! Да, черт возьми. Ты чертовски догадлив, сэр Джордан. И что? Ты доволен, рад? Теперь твоя душенька спокойна? Я ведь получила по заслугам… Меня никто так сильно не ненавидел. Никто… Так, как ты…

Личка плачет. Прижимает маленького и всхлипывает в его макушку. Целует его в голову, гладит по спинке, перебирает пальчики Мэйсона.

– Лика, прости меня. Я так не думаю, слышишь. И не радуюсь… Черт. Отдай уже мне ребенка.

Хочу ее обнять, прижать к груди и вдохнуть запах волос, но шаг между нами – пропасть длиной в два года – бездонная и непроходимая…

Она поднимается с места и нехотя передает мальчика в мои руки. Мэй тут же начинает истошно орать.

– Давай его обратно, – всхлипнув, шепчет Лика. – Джордан, мы едем в поликлинику или так и будем стоять?

– Я хотел обсудить другое, – произношу и сразу же спотыкаюсь о ее потемневший, опустошенный взгляд. Не хочу добивать Личку окончательно. Может, повременить с расспросами? – Ладно, потом.

– Мама ребенка не будет против? Ты можешь сказать, что я новая няня или…

– Я сам разберусь, Эндж. Ты говорила, у тебя дела в двенадцать и в два… – говорю и прикусываю язык. Я снова порю чушь! Никаких дел у Лики нет, кроме желания выглядеть в моих глазах успешной и занятой. Читаю в ее взгляде удивление и капельку злости.

– Я отменю встречи, Джо. Поехали.

Глава 8.

Джо.

Не понимаю, какой магией обладает Лика – возле нее все преображается. Расцветает, играет яркими красками, оживает. Даже двигатель под капотом рычит громче, а Мэйсон дышит размереннее и спит крепче… Волшебство, мираж, скажете вы? Не знаю, может, любовь? Разве она бывает такой внезапной, поражающей, как молния, и такой же разрушительной? Лика гладит маленького по лицу, наблюдая за тем, как он спит в автокресле. Украдкой ловлю ее взгляд в зеркале заднего вида, чувствуя противный укол в сердце. Она ведь убила малыша, так? Саныч не мог ошибиться – он никогда не стал бы говорить о непроверенных фактах. Значит, ее показная нежность к Мэйсону – притворство. Ей нужно избавиться от мужа, вот и ответ. А малыш – разменная монета в достижении цели. Лика отворачивается к окну, будто чувствуя мой взгляд, а я снова вижу синяк, торчащий из ворота водолазки. Может, это я чёрствый и непонимающий, а Энджи – мученица, вынужденная играть ради достижения

своих целей?

– Лика, все хорошо? – произношу, замечая, как меняется выражение ее лица. Она будто сдувается, устает что-то из себя строить. Устает казаться…

– Да, Джо. Просто… голова немного болит. – Она поджимает губы и потирает шею и затылок. Наверняка сученыш приложил ее по голове, и Лике до сих пор больно. – Можно воды?

– Держи, – протягиваю бутылку, вновь чувствуя укол совести. Какое я имею право ее осуждать? Копаться в мотивах и размышлять над причинами ее появления в моей жизни? – Лика, у тебя паспорт с собой?

– Да…

– Я оплачу МРТ головного мозга и позвоночника. И… не спорь. Если нужно, покажемся неврологу и…

– Спасибо, Джо… Только мне… Я… Я отработаю. И не спорь. – Улыбается она сквозь слезы. – Мне нужна работа. Любая, – униженно добавляет она и опускает взгляд. – Я почти выпускница МГИМО. Учусь на отлично, все сдаю автоматом. Мне осталось защитить диплом и я, можно сказать, готовый экономист.

– Только тебе же это не нравится? – улыбаюсь, радуясь повисшей между нами легкости.

– Не нравится. Я назло отцу поступила в лесотехнический, но мой переезд в Москву и перевод в МГИМО он одобрил. – Грустно улыбается она.

Современный медицинский центр находится в получасе езды от дома. Паркуюсь в подземном паркинге и вынимаю спящего Мэйсона из кресла. Он недовольно кряхтит и вытягивает губы трубочкой, ища пустышку.

– Дай мне малыша, Джо, – с нежностью шепчет Лика. Заворачивает кроху в тонкое шерстяное одеяльце, фиксирует ему ручки, поправляет соску.

Мэй блаженно сопит и засыпает. Не понимаю, откуда в Личке столько умения! Ну прямо заправская мамаша!

– Я практиковалась на крестнице – Настюше Горностай, – угадав мой немой вопрос, отвечает она.

– Идем, Энджи. Покажем врачу Мэя, а потом я отведу тебя к неврологу.

Педиатр внимательно осматривает малыша, взвешивает его, меряет сантиметровой лентой окружность головы и груди, измеряет рост и слушает его легкие. Пытается шутить и развлекать сына, но на чужой голос он реагирует испуганным плачем. Врач обреченно вынимает из ушей дужки фонендоскопа и командует Лике:

– Мамочка, подержите маленького, я ничего не слышу! Успокойте его!

– Мэйсон, не плачь, солнышко. Родной мой, мой хороший… – Энджи целует его, гладит по голове, а малыш замолкает, как по волшебству. Я стою поодаль с открытым от удивления ртом.

– Малыш от первой беременности? – уткнувшись в карту, бубнит врач.

– Да, – произношу я, сверля Лику взглядом. Она вправду меняется в лице – бледнеет и натужно сглатывает. Неужели, чувствует вину за аборт?

– Кормите смесью?

– Да, – снова отвечаю я. – Доктор, что с сыном?

– ОРВИ. (Острая респираторная вирусная инфекция. Примечание автора) Хрипов нет, не волнуйтесь. Имеются признаки воспаления верхних дыхательных путей – полости носа и горла. Вот лечение, держите, – Она протягивает листок с назначениями. – Покажете маленького через неделю. И не перекармливайте, он у вас весит, как пятимесячный!

Мы молча выходим из кабинета и бредем по коридору во взрослое отделение. Мэйсон важно сидит на руках Лички и наблюдает за проходящими мимо людьми.

Любопытно крутит головкой, разглядывая яркие стены и блестящие панорамные окна. Она, как бесцветный эфир пробралась под кожу даже маленькому Мэю!

Оплачиваю в кассе процедуры и забираю ребенка из ее маленьких рук.

– Иди, Энджи. Мы подождем тебя здесь.

– Если тебе нужно ехать, то я…

– Мы подождем, – утвердительно киваю я.

Она скрывается в дверях кабинета невролога, а Мэй начинает истошно орать. Я качаю его и хожу по длинному коридору, тряся пухляка в надежде успокоить. Злюсь на Личку за… А сам не знаю, за что? Она очаровала даже моего сына – за одну минуту пробралась в его маленькое сердечко! Одурманенный негодованием и злостью на Энджи, не сразу замечаю, как звонит телефон. Вибрация смешивается с нытьем Мэя в единый раздражающий гул. Надо же, Влада Антоновна! Еще и два пропущенных, черт!

– Простите, Влада Антоновна, я не сразу услышал.

– Джордан, я… У меня диагностировали пневмонию. Я вынуждена уволиться, простите. – Ее слова действуют, как ушат ледяной воды. – Лечение долгое, потом реабилитация. Ищите новую няню.

И что прикажете мне делать? Стою, оглушенный новостью, а потом выдавливаю:

– Выздоравливайте, мы справимся.

Мэй плачет. Я вспоминаю, как Личка кутала его в одеяло и пытаюсь повторить действие. Мелкий буйствует минут десять, а потом засыпает в моих руках. Время будто останавливается – замирает в длинном больничном коридоре, сворачивается лисой у моих ног и спит. Кажется, проходит полдня, на само же деле – час.

Я накручиваю себя, ожидая Энджи. Питаю тлеющие в душе гнев и обиду разными домыслами – подчас нелепыми. Придумываю слова, что выскажу ей.

Представляю, как вытрясу из нее правду, невзирая на Ольшанского и его свинские поступки! Плевать на него! Мой не родившийся ребенок не имеет к нему никакого отношения, это…

– Джо, привет, – ее голос журчит ручейком за спиной. Как ей удалось так незаметно появиться? – Спасибо тебе. Меня разобрали по косточкам. Есть некоторые нарушения, остеохондроз и еще…

– Лика, ты бы… Ты не хочешь устроиться ко мне работать? Няней для Мэйсона, – только и могу выдохнуть я. И это вместо всего, что я хотел сказать? Что же она за человек такой – улыбается, испепеляет меня теплом зеленых глаз, а я… таю, как снег на полях.

– С удовольствием, Джо.

Глава 9.

Лика.

– Я бы хотела обсудить условия, – твердо произношу я. Прижимаю ароматного кроху к груди, удивляясь нежности, так быстро растопившей мое сердце. У Джордана чудесный малыш. И семья, наверное, прекрасная… А я… Вероятно, полная дура, если рассчитываю вернуть прошлое и стать для Джо кем-то больше, чем няней для его сына. И зачем я только согласилась? Выпалила, не подумав, поддалась обуревающим душу чувствам к этому малышу… И почему я так к нему привязалась? Красивый, пухленький, его хочется все время тискать и целовать! Представляю, как Мэйсона любит его мама! Нет, Личка, ты точно сумасшедшая, если добровольно идешь на такую муку – видеть жену Джо и украдкой наблюдать за тем, как они будут завтракать, обедать, собираться на работу, нежничать друг с другом, оставлять смятые после ночи любви простыни в спальне, заколки, чулки и лифчики, милые записки, возможно, подарки… Видеть чужую счастливую жизнь, которая могла быть моей…

– Конечно, Лик. Давай вернемся домой и все обсудим. – Джордан забирает малыша из моих рук и ждет, пока я надену куртку. Мы торопливо направляемся к машине – Мэй устал и капризничает, трет глазки и судя по времени, проголодался.

– Джо, я могу добраться домой сама, а вы поезжайте, ведь…

– Лика, считай, что ты приступила к работе с сегодняшнего дня, – парирует Джо. – Лейла пришлет на почту договор, ты ознакомишься, подпишешь…

– Тогда давай обсудим, что прописать в договоре? – оживляюсь я.

Едва поспеваю за Джорданом – он высокий, а его шаги такие широкие, что мне приходится почти бежать следом!

– Хм… Что же ты хочешь прописать? – Джордан удивленно поднимает бровь.

– Мне нужно два выходных в будние дни. Я ведь говорила, что учусь… Буду сдавать зачеты, курсовые, а писать их по ночам – в свободное от… этого сладкого мальчика время. Зато я могу работать в выходные! Хоть до самой ночи. Вы с супругой спокойно сможете гулять, ходить куда-то вдвоем, не боясь за малыша…

Джо как будто напрягается – разве я говорю что-то неприятное? Он сам предложил мне работу – значит, мое присутствие в доме не вызывает у него дискомфорта или теплящихся в душе воспоминаний.

– Хорошо, Энджи. Будет тебе два выходных. Что-то еще? – бросает он, усаживая Мэйсона в автокресло.

– Если ты… помогаешь мне, это не значит, что… Что можно использовать меня… Ты женатый человек, да и я…

Зачем я завела этот разговор? Дура. Джордан отрезал прошлое – стер его, словно ластиком. Я всего лишь няня для его сына!

– Лика, обещаю, что не посягну на твою личную жизнь и тело – если ты на это намекаешь. – Джо снисходительно закатывает глаза. – Я помню про Ольшанского и твою просьбу… Если тебе негде жить – у нас большая квартира, ты можешь разместиться в комнате Мэя и… Все лучше, чем жить в хостеле.

– Что? Ты и об этом знаешь? – вздыхаю, заливаясь румянцем.

– Да. Прости, я беспокоился о тебе. Пришлось выяснить.

Интересно, что еще он про меня раскопал?

– Нет, Джордан, уволь меня от этого. У меня тоже есть свои дела и личная жизнь. Я… я тоже человек, Джо. Хоть и няня! Ко мне приходят гости и я… Лучше я сниму простенькую квартиру недалеко от вас.

– Прости, Лика. Прости, если обидел. – Сухо отвечает Джо, не отрывая от дороги взгляда. – Уверяю, тебе будет комфортно работать в моей семье.

В салоне повисает вязкое, как осенний туман, напряжение. Что я о себе возомнила? Что Джордан воспылает ко мне прежними чувствами? Бред! Он просто пожалел меня, вот и все.

Джо паркуется возле подъезда и аккуратно вынимает спящего ребенка из автокресла. Идет широким уверенным шагом – молодой красивый мужчина, муж, отец, успешный бизнесмен… А я привычно семеню следом, испытывая легкий, едва ощутимый укол унижения. Однако, стоит нам войти в квартиру, укол становится сильнее… Дыхание покидает легкие, а в груди вырастает огромный склизкий ком… Посередине просторной гостиной восседает Таисия – красивая, уверенная в себе жена Джо… От ее белоснежного брючного костюма рябит в глазах, как и от сверкающих в ушах бриллиантов.

– Джордан, милый… Кто это? Новая домработница или… няня? – завидев нас, она вскакивает с дивана. – Милочка, возьмите список продуктов, хотя… Джордан, она прошла медицинское обследование?

– Тася, прекрати. – Хмурится Джордан. – Анжелика Львовна – новая няня, да.

– Их надо, как драных кошек обследовать. Мало ли где она шляется, а потом трогает ребенка руками или куда хуже целует. Так что? – не унимается Таисия. Она прекрасно знает, кто я, но предпочитает «не узнавать». И уж точно не знает, сколько раз я успела поцеловать ее сына!

– Не волнуйтесь, Таисия, я регулярно обращаюсь к врачам. – Сжимая пальцы в кулаки, цежу я.

Очевидно, чувствуя мое негодование, Джо передает мне Мэя. Лицо Таси искривляется, она подходит ко мне и силой вытягивает малыша из рук. Мэйсон просыпается и начинает истошно кричать. Так сильно, словно увидел призрака или совершенно чужого человека, а не родную маму. Ничего не понимаю, что мне сейчас делать? Уйти и дать супругам поговорить? Обсудить, можно ли допускать к их малышу «уличную кошку»?

– Лика, подержи ребенка, – Джо забирает плачущего малыша и решительно передает его мне. – Тася, пройдем в кабинет. – Он резко хватает жену за локоть и почти силой тянет ее вглубь коридора…

Глава 10.

Лика.

Чувствую себя отвратительно! Не желаю слушать чужие скандалы, но куда больше – быть их причиной.

– Идём на кухню, солнышко? Тетя Лика тебя покормит.

Мэйсон довольно сучит ножками и пускает пузыри. Кладу его в электронные качельки и беспомощно оглядываю навесные шкафы – где же хранится смесь для малыша? Осторожно распахиваю дверцы в поисках заветной банки, стараясь делать это как можно тише – переключать огонь разбушевавшейся фурии на себя мне совсем не хочется! Ну почему архитектор не додумался установить в

квартире двери? Просторная кухня-гостиная не защищает меня от раздающихся из кабинета голосов.

«Что эта шлюха делает в моем доме?»

«Успокойся, Тася! Я сам решаю, кого пускать в мой дом! А ты почему вернулась? Кончились деньги?»

«Это и моя квартира тоже, Джордан! И я не желаю, чтобы здесь ошивались всякие идиотки!» – слышится звук разбитого стекла.

«Мне надоели пустые разговоры! И не смей оскорблять Лику!» – грохот кулака по столу.

«Может, она и другие услуги тебе оказывает? Интересно, ее муж знает об этом? Или мне его просветить?»

Плохи дела… Если Таисия захочет, она сможет мне навредить: свяжется с Виктором и выдаст меня с потрохами! Наверняка его ищейка Иосиф Казанцев поднял весь город, чтобы меня найти. Я сменила телефонный номер, как только съехала в хостел и единственный контакт, хранящийся в памяти телефона – номер Джордана… Выходит, безопасники фирмы Осборнов легко выяснили мой новый номер? Значит, Ольшанскому тоже не составит труда это сделать?

Погружённая в тягостные мысли, размешиваю питание в бутылке и кормлю Мэя. Тася кричит, оскорбляет Джордана, он успокаивает ее… Кажется, даже стены сотрясаются от шума!

– Идём гулять, маленький? – шепчу малышу и подхватываю его на руки. Меняю ему подгузник, осторожно укладываю Мэя в коляску и незаметно покидаю квартиру. Похоже, супруги не заметили нашего исчезновения! Мэйсон засыпает уже в лифте. Накрываю малыша одеяльцем и бреду в поисках парка или сквера. Тёплый ветер шевелит пряди, овевает разгоряченные щеки… Отчего-то, вместо того, чтобы успокоиться, я завожусь ещё больше. В голову, словно стайка голодных воробьев, лезут дурацкие мысли, собираясь в красочную картинку

примирения супругов. Закрываю глаза, представляя, как, истощенная скандалом, плачет Тася… А Джордан обнимает ее, нежно поглаживает по плечам и спине. Целует в губы, торопливо стягивает белый костюм и… страстно мирится с ней, пока я, как последняя дура, гуляю с их сыном…

Слёзы против воли щиплют глаза, а душу теснит жалость к себе. Что же ты, Личка, такая непутевая?

– Лика? – вздрагиваю от голоса Джо за спиной. – Хорошо, что ты ушла. Прости за этот цирк. – Джордан садится рядом со мной на лавочку. Тягостно вздыхает и опускает голову.

– Джордан, мне очень нравится твой сын, но решение…

– Он не мой сын. И не Таси. Мэйсон мой племянник, Энджи. Сюзанна и Том погибли, и теперь я опекаю малыша.

– Понятно. – Смаргивая слёзы, отвечаю я. – Мне очень жаль, Джо.

Сжимаю его горячую кисть. Джордан охотно принимает рукопожатие, и на мгновение мне кажется, что он не хочет выпускать мои пальцы из рук.

– И мне решать, кто будет няней для Мэя. Тасе он не нужен, и ты… можешь работать няней для моего сына. Если, конечно, не передумала.

– То есть ребёнок послужил причиной вашего с женой разлада? – спрашиваю осторожно.

– Нет, все… слишком сложно, Лик. Не забивай себе голову. Я не позволю Тасе тебе навредить…

– Спасибо тебе, – только и могу вымолвить. – Ты тоже подумай, нужна ли тебе такая проблемная няня? Меня будут искать… Если тебе удалось узнать мой новый номер телефона, Виктору это тоже не составит труда. И тогда он… Он…

– Лика… – голос Джо оседает до шепота. – Ольшанский вредит компании Осборнов, и у меня свои счёты с ним. Ты здесь ни при чем… С ним будут

разбираться наши юристы, а ты… Скажи мне одну вещь?

– Да, слушаю.

– Ты убила нашего нерожденного ребёнка?

Вместо ответа я глубоко вздыхаю и закрываю лицо руками…

Глава 11.

Лика.

– Энджи, скажи мне правду, – мягкий голос Джо пробирает до костей.

– Мне… очень жаль, Джо, – всхлипываю, косясь на спящего Мэйсона. – Да, я носила твоего малыша, Джордан. Только… он замер внутри. И я еще много времени ходила, не зная, что он мертв. У меня…

– Боже, Лика. Как же так? – Джордан притягивает меня к груди. Дрожь его пальцев вмиг передается мне… – Почему ты не сказала?

– У меня две недели поднималась температура, а потом… В общем, наверное, я не смогу больше иметь детей, Джордан. Я не хотела, чтобы… чтобы все так вышло. Меня довольно долго лечили и я… – слезы против воли затапливают глаза.

Внутри словно взрывается комок слез. Наверное, это именно то, что мне сейчас нужно – оплакать своего малыша с его отцом? Джо крепко прижимает меня к груди, гладит дрожащие плечи, перебирает пальцами волосы.

– Мне так жаль, Джо… – шепчу я хрипло.

– Почему ты ничего не сказала? А… Виктор знал?

– Да. Я испытывала страшный стресс из-за свадьбы и… Наверное, я вправду ни на что не способна – даже ребенка выносить.

– Лика, если Ольшанский знал, он ведь мог… травить тебя или… Прости, неужели он позволил бы родиться чужому ребенку? Тем более – темнокожему? – неожиданно спрашивает Джо.

– Не знаю. Я призналась и попросила развод. Он обещал подумать и…

– Если он причастен еще и к этому, я его убью! – хмурится Джо.

– Прости, я никогда бы так не сделала. – Повторяю я. – Не избавилась…

– Я верю тебе, Эндж, – севшим голосом произносит Джо. Смахивает скупые слезинки и снова обнимает меня, пробуждая спящие воспоминания. Когда же мы успели разрушить свои жизни до основания? Позволить гордости победить чувства, а глупости – здравый смысл. Обнимаю мужчину, вдыхая запах, который так люблю… Любила. Плачу, выплескивая боль и принимая сочувствие Джо…

– Джордан, можно я приступлю к своим обязанностям послезавтра? – смущенно произношу я. – Решу свои домашние дела, найду квартиру.

– Лика, ты можешь остаться у меня. Честное слово, Тася не побеспокоит тебя – она съехала и… Мне будет спокойнее, если ты…

Хлопковая ткань футболки обтягивает мускулистую грудь и плечи Джордана, узкие темные джинсы – крепкие бедра и упругую задницу (уж я-то знаю!). Это же… он же ходячее искушение, поэтому ни о каком совместном проживании не может быть и речи. Его косуха из телячьей кожи так приятно пахнет – я нехотя отстраняюсь, поднимая на Джо затуманенный взгляд.

– Нет, Джо. Мне нужно личное время, чтобы готовиться к экзаменам. И вообще…

– Ну, беги. Лика, возьми, пожалуйста, – Джордан поднимается и вытаскивает из заднего кармана брюк портмоне. Отсчитывает несколько купюр и протягивает мне. – Воспринимай это авансом.

– Это много. – Заливаюсь румянцем. Черт, как же унизительно… – Спасибо. Послезавтра я у тебя как штык! В семь утра!

– Договорились, Энджи. А мы пойдем с Мэйсоном погуляем.

Теплый ветер осушает мои слезы, касается пылающих щек, словно успокаивает… Глубоко вздыхаю и тянусь в сумочку за носовым платком – застываю возле входа в соседнюю с домом Джо башню, вытираю черные дорожки под глазами, высмаркиваюсь… Что-то совсем ты, Личка, расклеилась. Размякла в объятиях привлекательного мужчины, как сахарная вата! Смотрю на свое опухшее лицо в маленьком зеркальце пудреницы, случайно выхватывая взглядом яркий баннер за спиной. Ну надо же!

«Требуется радиоведущая».

Поверить не могу – это знак? Радиостанции Юмор-Сити FM требуется симпатичная радиоведущая. Конкурс… заканчивается сегодня! Господи, мне же всю юность говорили, что голос – мое невидимое оружие. Поставленный, мелодичный, приятный – не сосчитать сколько раз я выручала подруг в телефонных переговорах! Я и петь умею! Может, это мой шанс? С Джорданом я договорюсь – в конце концов, вести рубрику на радиостанции – не бог весть какая занятость! Прищуриваюсь, чтобы разглядеть адрес: офис радиостанции находится в башне Федерация. Что же – попытка не пытка. Сажусь на лавочку, припудриваюсь, подкрашиваю губы блеском, расчесываю волосы. А переездом займусь завтра…

Радиостанция занимает огромный офис, разделенный стеклянными перегородками. Сотрудники снуют по коридорам, операторы вальяжно переносят какую-то аппаратуру, а в просторном холле сидят девушки. Конкурсантки – понимаю я. Девчонки беспокойно зубрят какие-то отрывки, зажмуриваются, заламывают руки, некоторые даже крестятся… Кто-то сосредоточенно мерит шагами холл, бурча под нос конкурсный отрывок или песню.

– Бекетова! Следующая Сатарова! Еще есть претендентки? – из-за дверей появляется молодой симпатичный мужчина с длинными вьющимися волосами.

–Д-да… Я.

– Кто я? Паспорт с собой? – не глядя на меня, спрашивает он.

– Да, вот, возьмите. – Суетливо протягиваю документ.

– Заполните анкету на стойке. Оксана вам поможет. Как ваша фамилия?

– Ольшанская.

– Я вас вызову.

Минут через десять из аудитории выбегает та самая Сатарова – лохматая, в слезах… Черт, мне бы их проблемы, ей-богу! Я даже не знаю, что буду исполнять – в душе столько чувств – болезненных и острых, живых, пульсирующих… Осколки разбитых надежд, избравшие мое сердце своим домом.

– Ольшанская! – выглядывает мужчина. – Проходите.

В нос ударяют запахи пыли и пота. Бесшумно ступаю в центр темной аудитории и становлюсь в освещенный прожектором круг. Слегка поеживаюсь от пронзительных взглядов, устремленных на меня. В центре большого ярко-желтого стола восседает женщина с короткой стрижкой, справа от нее – «кучеряшка», слева – черноволосая девушка в стильных очках.

– Здравствуйте, меня зовут Анжелика Ольшанская. – Произношу в микрофон, стараясь сосредоточиться на голосе, а не на внешности экзаменаторов. Странным образом их силуэты гаснут в опустившейся темноте – по стенам ползут цветные полосы фаерболов, а вокруг меня разливается бледно-желтое свечение.

– Анжелика Львовна, не волнуйтесь – световые эффекты, по мнению нашего штатного психолога, помогут вам отвлечься от нас и сконцентрироваться на выступлении. – Из темноты раздается голос «кучеряшки». – Что будете

исполнять?

– Можно я спою? – произношу голосом, полным слез. Наверное, я не все их выплакала? Мне хочется больше – выплеснуть их все и… плевать на радио, Тасю и Ольшанского. Хорошо, что я их не вижу – людей, с любопытством взирающих на меня со своего трона.

– Включите минусовку «Как жизнь без весны». Пожалуйста…

– Необычный выбор, – произносит кудрявый.

А я начинаю петь. Закрываю глаза, уносясь мысленно туда, где я была счастлива – зимний таежный лес, яркий огонь, пахнущий кедровыми шишками, чай с брусникой и… его жаркие объятия, поцелуи, прикосновения… Как я скучаю, Джо – по нам прошлым, нам, которых нет…

Как жизнь без весны,

Весна без листвы,

Листва без грозы,

И гроза без молний?

Как годы скучны

Без права любви

Лететь на призыв

Или стон безмолвный твой.

Как годы скучны

Без права любви

Лететь на призыв

Или стон безмолвный твой.

Увы, не предскажешь беду,

Зови, я удар отведу!

Пусть голову сам за это отдам,

Гадать о цене не по мне, любимая… (Стихи Ряшенцев Ю.)

– Достаточно, – хрипло подает голос кто-то из женщин.

Зажмуриваюсь от вспыхнувшего над головой света. Заплаканная, вывернутая наизнанку чувствами, шевелящимися в душе горьким комом, живая… Вытираю глаза ладонями, как обиженный ребенок.

– Простите, – хриплю в микрофон, – я вам, наверное, не подхожу.

Прищуриваюсь, чтобы разгадать реакцию судей, но замечаю лишь слезы, стоящие в их глазах…

Глава 12.

Лика.

– Откуда ты взялась, а? – крепкая ладонь «кудряшки» ложится на мое плечо. Я так и не дождалась приговора судей – выскочила из аудитории, только меня и видели. – Да постой ты!

– Извините, что-то я…

– Ты покорила всех, ясно? Заставить Идею плакать – то еще умение! – кудрявый парень запускает ладонь в свою пышную шевелюру. – Меня Глеб Сомов зовут.

– А я Лика, хотя… вы уже знаете. – Вскидываю взгляд. – А Идея – это кто?

– Идея Георгиевна – наш шеф-редактор. Брюнетка с короткой стрижкой, она в центре стола сидела.

– Так я принята? – спрашиваю осторожно. Поверить не могу – это происходит со мной?

– Конечно! Идея приказала тебя догнать и привести обратно. Это ее любимая песня, да и я, признаться честно, всплакнул. У тебя красивый голос – приятный, мелодичный.

– Мне идти за вами?

– Ты пока посиди в комнате отдыха. – Глеб жестом указывает направление. – Она сейчас в себя придет, а то негоже шеф-редактору миндальничать с подчиненными, – улыбается Глеб. Глаза у него ясные, голубые, как лед, почти прозрачные… И улыбка красивая.

– Хорошо, подожду.

Светло-серая дверь приветливо поддается моим рукам. Глеб убегает, а я смущенно застываю на входе, любопытно оглядывая просторную комнату. Ярко-желтый пластиковый стол, обитые серой тканью стулья, стоящие по кругу, плазменная панель во всю стену. Делаю шаг и сразу же получаю ощутимый тычок между лопаток.

– Чего застыла, квашня? Проходи, давай!

– Ой, извините, – оборачиваюсь, завидев странную девушку за спиной. – Проходите.

– Да ты не обижайся, – улыбается она. – Просто день такой сегодня… Зараза, с утра не клеится.

Девчонка снимает с головы черную трикотажную шапочку, освобождая пышную малиновую шевелюру. Знаете цвет разбавленной в воде марганцовки? Вот такие у нее волосы. Опускаю взгляд, замечая в ее руках огромный черный чемодан.

– Ты кто, крошка? – девушка устало сдувает со лба прядь и стягивает с плеч черное длинное пальто.

– Я Лика, выиграла конкурс ведущих.

– А я Поночка.

– Как? Прости, я не расслышала…

– Ульяна Панова, но все зовут меня Поночкой. Веду рубрику «Утро-сити» на радио. Ну, будем знакомы. – Она протягивает мне ладонь с коротким черными ногтями и обилием массивных серебряных колец, а я неуверенно ее пожимаю. – Да отомри ты, Лика! Тебе, кстати, квартира не нужна? Меня сегодня соседка выгнала.

– Нужна. – Оживляюсь я. – А почему выгнала?

– Я потоп устроила. Вернее, не я… – Уля неловко прикусывает покрытую бордовой помадой губу. – Трубы старые, вот и лопнули. А на кого можно повесить потоп? Конечно, на квартирантку! – Поночка всплескивает руками и плюхается на стул. – Я аккуратная, не курю. Мужиков, правда, вожу изредка.

– Только мне нужна квартира недалеко отсюда, – тараторю, присаживаясь напротив Ули.

– Заметано, тогда гоу за мной! У меня и тачка имеется – старое корыто, но все же… – Уля мечтательно закатывает глаза.

– Я жду Идею Георгиевну. Глеб попросил.

– О-о-о! Пойду-ка я отсюда. Даздраперме лучше на глаза не попадаться, а то… начнутся нравоучения. Короче, Личка, вот мой номер – освободишься, звони. Поедем на встречу с риэлтором вдвоем.

Ульяна протягивает мне визитку. Шумно вздыхает, одевается и тянет рукоять чемодана за собой. Звук колесиков по мраморному полу отдается эхом от высоких стен коридора. А потом к нему примешиваются торопливые шаги и голоса. Похоже, комиссия решила почтить меня вниманием. От волнения подскакиваю с места и приосаниваюсь, как солдат на параде.

– Анжелика, – первой заходит Идея Георгиевна. Подтянутая, одетая в стильный брючный костюм – она вызывает во мне трепет. – Вы мне понравились. – Сухо бросает женщина, поджимая губы. – Завтра Глеб Андреевич введет вас в курс дела. Рубрика выходит два раза в неделю по вечерам.

– Спасибо вам, – киваю я, складывая пальцы в замок. – А какую рубрику я буду вести?

– Пока никакую, милочка, – Идея издает короткий смешок. – Вам нужно работать с голосом, убирать зажимы, делать дыхательную гимнастику, речевые упражнения. Опять же, с надключичным и гортанным дыханием нужно что-то делать. Пока с вами будет Ксения Ивановна заниматься. – Из-за спины «Даздрапермы» выглядывает та самая брюнетка в очках из комиссии.

– Спасибо вам, Идея Георгиевна. Я вам очень благодарна, – неуверенно бормочу я.

– Пока не за что. В прямом эфире будете говорить пару предложений. Ксюша вам поможет поставить голос, управлять им… Поете вы прекрасно, – смягчившись, добавляет она.

– А кто мой соведущий? Вернее, с кем я…

– Глеб Сомов. – Довольно произносит Идея.

«Кучеряшка» счастливо улыбается. Вот так, Личка, в один момент жизнь подбрасывает такие сюрпризы, что диву даёшься! Я теперь не только

официально работаю – но еще и с двумя красавчиками сразу!

– Идем, Лика, я провожу тебя в отдел кадров. – Глеб взмахивает рукой. Отрываюсь с места, неуклюже ступая по серому ковролину.

Идея с Ксенией прощаются и вальяжно, как речные баржи, уплывают по лабиринтам коридоров. Пока я прихожу в себя от свалившихся на голову событий, Глеб что-то бесперебойно говорит… С трудом улавливаю что – думаю об учебе, Мэйсоне, Джордане, Ольшанском, папе… Но одна фраза Глеба все же врывается в затуманенное мыслями сознание:

– Анжелика, а что ты делаешь вечером?

Глава 13.

Лика.

– А вечером я, похоже, переезжаю, – смущаюсь от пронзительного голубого взгляда, устремлённого на меня. – Вы бы… ты бы… хотели позаниматься?

– Можно на ты, Лика. – Улыбается он. – Я бы хотел ближе познакомиться с таинственной певицей, случайно залетевшей к нам на огонёк. Но теперь, вижу, что не получится.

– Почему? – слова даются так тяжело, будто горло сжимают тиски.

– Сама же сказала, что переезжаешь. Помощь нужна? Я на колесах.

– Не знаю. Как-то это… неудобно. Мы с Улей договорились созвониться. Она меня ждёт, наверное?

– Будете с Поночкой вместе жить? – Глеб слегка щурится и довольно потирает ладони. – Здорово! Она классная девчонка. Давай так – запиши мой номер и, если понадобится помощь, звони.

Послушно выполняю просьбу Глеба и, набросив на плечи пальто, вылетаю на улицу. Мне нужен кофе – горячий и терпкий, обжигающий, с ароматной пенкой сливок на поверхности. Отчего-то при мысли о кофе, я вспоминаю Джо… И то, как идеально смотрелись его смуглые руки на моих молочных бедрах.

– Мы идеально подходим друг другу, да, Энджи? Посмотри, как моя кожа оттеняет твою. Мы, как…как молоко и кофе. Иди ко мне…

– Ага, еще скажи, как рассвет и закат, лед и пламя. – фыркнула я, жеманно закатывая глаза.

– Иди ко мне, Эндж. Детка… Я хочу тебя… Снова хочу.

Он обнимал меня, прижимал к гладкой, мускулистой груди, а я шептала в бездну:

– Ты ненасытный, Джо…

Господи, когда же это кончится? Воспоминания, сожаление, опоздавшее прозрение… А, может, мне не стоит забывать? Напротив – хранить в памяти то, что осталось от нас – слова, обрывки песен, фотки из галереи, улыбки? Хранить то, чего никогда не вернуть… Глотаю горячий капучино, сидя на лавочке в сквере, и покручиваю в руках телефон. Ах, Джо, зачем же я приперлась к тебе в офис? Устроилась няней к малышу Мэю? Это же, как танцы на стеклах – сладкая боль. Наркотик, приносящий муки, но и без него никак не жить… Открываю галерею и смотрю на фото Мэйсона, сделанные украдкой: пухлые щечки, глаза-вишенки. Ты будешь таким же красавчиком, как твой дядюшка, Мэй. Скучаю, хотя прошло всего-то ничего с нашего расставания. Сминаю бумажный стаканчик и отбрасываю его в урну. Пора жить дальше, Личка – работать ведущей, петь, встречаться с мужчинами, учится снова любить… А, может, надо было согласиться на предложение Глеба? А, почему нет? Парень симпатичный,

но… А нет никаких «но»!

Вынимаю смартфон и ищу статью, опубликованную совсем недавно популярным репортером «Московского бомонда» Ильей Озеровым:

«Кем занято сердце юной обворожительной актрисы Мии Златопольской? Красавицу заметили на закрытом показе блокбастера в компании молодого предпринимателя Джордана Осборна – совладельца Osborn LTD – стремительно развивающегося предприятия, обеспечивающего оборудованием элитные московские рестораны. Парочка выглядела счастливой – глаза Мии струились теплом, а Джо – молодого наследника английского аристократа Алекса Осборна – страстью. Как думаете, дорогие читатели, нам стоит ждать свадьбы?»

И фото «сладкой» парочки – Джо обнимает эту… крашеную куклу с надутыми губами, прижимает ее хрупкое тельце к груди…Боже мой, теперь она тоже знает, как это – быть с Джо… Гореть в его огне и возрождаться, как птица Феникс… Нахожу эту… Мию в инстаграме и добиваю себя окончательно – там столько их совместных фото – в машине, кино, в парке… И он обнимает ее так, как когда-то меня… Уверена, Джо не додумался бы предложить такой красотке работать няней! Куда ей – с таким-то тюнингом. Интересно, Таисия знает о Мие?

Без раздумий звоню Поночке, а потом Глебу… Вещей у меня немного – всего-то чемодан, но быть сейчас одной равноценно самоубийству – слишком уж насыщенным выдался день, попробуй такое перевари! Глеб выскакивает из здания Сити через пятнадцать минут. Ветер треплет его милые кудри, взвивает полы пальто, а из моей головы вытравливает остатки грустных мыслей. Я ведь нравлюсь мужчинам. Да-да, именно сейчас голубые глаза Глеба говорят мне об этом. Да что там говорят – кричат, вопят!

– Анжелика Львовна, ты супер! Молодец, что позвала. Едем?

– Едем.

И пусть некоторые катятся со своими Златопольскими… куда подальше. Я только няня для его сына, не больше. Делаю решительный шаг по дорожке, заслышав звук входящего звонка.

– Да, – отвечаю не глядя.

– Энджи, это я… – и сладенькое «агу» Мэйсона на заднем фоне…

Глава 14.

Энджи.

– Джордан, что-то случилось? Как Мэйсон? – спрашиваю, плюхнувшись на переднее сидение машины Глеба. Он запускает двигатель и заинтересованно сверлит меня взглядом.

– Мы просто… соскучились, Эндж. – Выдыхает Джо на том конце провода. – Вернее, я забеспокоился – нашла ли ты квартиру и… – поправляется он. Слышу, как Мэй сучит ножками по коврику, отчего висящие на дуге погремушки звонко позвякивают.

– Нашла, все в порядке, – отвечаю я. – Пятиэтажка возле Москва-сити.

– А что ты сейчас делаешь, Эндж? Можно я переключусь на видеозвонок? Мэй, хочешь увидеть свою нянюшку? – не дожидаясь моего «да», протягивает Джо.

Одеревеневшими пальцами нажимаю подтверждение видеозвонка и улыбаюсь Джо… Тону в карих, как дикий мед, глазах, дрожу от его голоса…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/levashova_elena/mama-dlya-chuzhogo-syna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити